

Могильщики

– Уважайте старых! – прозвучал из тины низкий голос, который заставил бы вас вздрогнуть, голос, напоминавший что-то мягкое, распадающееся на части. В нём были дрожь, хрип и визг.

– Почтение к старшим! О, речные товарищи, почитайте старших!

На всём широком пространстве реки не виднелось ничего, кроме небольшой флотилии барэ, сколоченных деревянными гвоздями, с квадратными парусами и нагруженных строительным камнем. Они только что вышли из-под железнодорожного моста и плыли вниз по течению. Люди подняли неуклюжие деревянные рули, чтобы не засесть на песчаных мелях, образовавшихся около опор моста. Когда флотилия прошла, по три баржи рядом, снова зазвучал страшный голос:

– О, речные брамины, уважайте старого и больного!

Один из сидевших на барже обернулся, поднял руку, произнёс что-то, только не благословение, и баржи заскрипели дальше, уходя в туманный сумрак. Широкая река, скорее походившая на цепь небольших озёр, нежели на поток, была неподвижна, точно зеркало; в её главном русле отражалось красное, как песок, небо; близ низких берегов и под ними виднелись жёлтые и мутно-лиловые пятна. В период дождей небольшие ручьи вливались в эту реку; теперь же их высохшие устья висели выше линии воды. На левом берегу, почти под самым железнодорожным мостом, приютилась деревня, вся состоявшая из глины, кирпичей и плетёнок; её главная улица, по которой домашний скот возвращался теперь в свои хлева, бежала к реке и заканчивалась кирпичной платформой, куда приходили люди, которым надо было стирать и мыться. Селение называлось Меггер Гаут.

Ночь быстро опускалась на поля, засеянные чечевицей, рисом и хлопком, расстилавшиеся в низине, ежегодно заливаемой рекой, на камыши, окаймлявшие окраину излучины, на пастбища, примыкавшие к тихим камышам. Ещё недавно попугаи и вороны цокали и кричали, прилетев на вечерний водопой, но в этот час они уже удалились от реки на ночлег и встречали целые батальоны летучих мышей, которые называются летучими лисицами; одна туча за другой водяных птиц со свистом и гоготаньем стремились под прикрытие бамбуков. Тут были гуси с вытянутыми, как бочонки, головами и чёрными спинами, чайки; там и сям мелькали фламинго.

Неуклюжий Адъютант (марабу) держался в тылу стаи и летел так лениво, точно каждый взмах его крыльев был последним.

– Уважайте старших! Брамины реки, уважайте старших!

Марабу слегка повернул голову, несколько раз ударил крыльями, пролетел в сторону голоса и тяжело опустился на песчаную мель ниже моста. Глядя на него, можно было понять, что это за мошенник. Со спины он казался неопишимо почтённым существом; он имел почти шесть футов в высоту и походил на приличную лысую особу. Спереди же оказывалось другое. На его голове и шее не сидело ни одного пёрышка, а ниже клюва висел безобразный мешок из красноватой кожи – хранилище всего, что он мог схватить своим острым клювом. Птица стояла на очень длинных, тонких, морщинистых ногах, но аккуратно переступала ими и с гордостью поглядывала на них через плечо, когда чистила свои пепельно-серые хвостовые перья; потом Адъютант замирал, вытягиваясь, как солдат на карауле.

Маленький худой шакал, лаявший от голода, стоя на пригорке, внезапно наострил уши, поднял хвост и пустился рысью к Адъютанту.

Это был самый ничтожный из шакалов (нельзя сказать, что и лучшие-то его родичи хороши, но этот был особенно ничтожен, так как занимал среднее место между нищим и преступником). Он очищал мусорные кучи; то бывал до отчаяния пуглив, то свирепо отважен; вечно испытывал голод и вечно же хитрил, хотя все его уловки не приносили ему никакой пользы.

– Ух, – уныло отряхиваясь, сказал он. – Пусть красная парша уничтожит всех деревенских собак. Каждая укусила меня три раза, а за что? За то, что я посмотрел – заметьте, посмотрел – на старый башмак в коровьем хлеву. Разве я могу есть грязь? – и он почесал у себя за левым ухом.

– Я слышал, – заметил Адъютант голосом, напоминавшим звук тупой пилы по толстой доске, – я слышал, что в этом самом башмаке лежал новорождённый щенок.

– Одно дело слышать, другое знать, – заметил шакал, отлично знавший поговорки, благодаря вечному подслушиванию разговоров людей.

– Правда. Поэтому я, для верности, позаботился о щенке, пока собаки были заняты в другом месте.

– Да, они были очень заняты, – сказал шакал. – Теперь я несколько времени не буду забегать в деревню за объедками. Значит, в этом башмаке действительно был слепой щенок?

– Он здесь, – ответил Адъютант, косясь через свой клюв на собственный полный зоб. – Это пустяк, но, когда милосердие умерло в мире, такими вещами не следует пренебрегать.

– Ай, ай! Да, в наши дни мир – сущее железо, – провизжал шакал. В ту же минуту его беспокойные глаза уловили крошечную рябь на поверхности воды, и он торопливо продолжал: – Тяжела жизнь для всех нас, и я не сомневаюсь, что даже наш высокий господин, гордость Гаута и зависть реки...

– Лгун, льстец и шакал вывелись из одного яйца, – сказал марабу, не обращаясь ни к кому в особенности; дело в том, что он тоже, в случае нужды, умел отлично солгать.

– Да, да, зависть реки... Даже он, – громче прежнего повторил шакал, – даже он не может не находить, что со времени постройки моста пищи стало меньше. С другой стороны, он одарён такой мудростью и такими добродетелями (которых я, к несчастью, совершенно лишён), что...

– Уж если шакал называет себя серым, он, должно быть, невыразимо чёрен, – пробормотал Адъютант. Птица не видала приближавшегося к берегу существа.

– ...Что у него, конечно, никогда не бывает недостатка в пище и, следовательно...

Песок слегка скрипнул, точно дно лодки дотронулось до мели. Шакал быстро повернулся и обратился мордой (это всегда благоразумнее) к тому, о ком он только что говорил. Подплыл двадцатичетырехфутовый крокодил. Всё его тело одевали как бы пласти котельного чугуна, а на спине стоял гребень; желтоватые кончики его верхних зубов висели над великолепно вытянутой нижней челюстью. Это был тупоносый Меггер из Меггер Гаута; он прожил дольше той деревни, которую называли по его имени. До постройки железнодорожного моста крокодила считали демоном речного брода; он убивал входивших в воду людей; вместе с тем он же был и фетишем селения. Теперь Меггер лежал неподвижно, опустив подбородок в мелкую воду, и чуть-чуть шевелил хвостом, чтобы удержаться на месте, но шакал отлично помнил, что один удар этого могучего хвоста может перенести чудовище на берег со скоростью парохода.

– Счастливая встреча! Покровитель бедных! – льстиво приветствовал его шакал, в то же время отступая при каждом слове. – В воздухе звучал восхитительный голос, и мы... мы пришли, надеясь насладиться приятным разговором. Я ждал тебя и осмелился рассуждать о тебе. Надеюсь, ты ничего не слышал?

Между тем шакал, конечно, говорил в надежде, что крокодил услышит его слова; он знал, что лесть – лучшее средство получить от него кусок съестного. В то же время и Меггер понимал, что шакал говорил с известной целью; шакалу же было ясно, что Меггер понимает всё и знает, что он, шакал, знает, что Меггер знает; таким образом, оба были довольны друг другом.

Задыхаясь и ворча, чудовище двигалось вдоль берега; оно бормотало:

– Уважайте старых и недужных.

Его маленькие глаза, сидевшие под тяжёлыми роговыми веками на верхушке плоской треугольной головы, горели, как угли, пока из воды выходило его бочонкообразное тело, висевшее между искривлёнными ногами. Наконец,

крокодил залёг близ отмели, и как ни были знакомы шакалу его обычаи, трусливый зверь невольно вздрогнул, увидев, до чего Меггер сделался похож на прибитое к песку бревно. Крокодил даже постарался поместиться под тем углом, под которым лежал бы естественно остановившийся обрубок. Понятно, всё это было сделано по привычке, потому что Меггер вышел на мель не ради охоты, а для удовольствия; но крокодил никогда не бывает вполне сыт, и если бы сходство с бревном обмануло шакала, трус не мог бы рассуждать об этом, так как не остался бы в живых.

– Дитя моё, я ничего не слышал, – закрывая один глаз, сказал Меггер. – Вода попала мне в уши; кроме того, я совсем ослабел от голода. Со времени постройки железнодорожного моста народ, населяющий мою деревню, разлюбил меня, и сердце моё разбивается от этого.

– Какой позор, – произнёс шакал. – Такое благородное сердце! Но люди все одинаковы.

– Нет, между ними существует различие, – мягко сказал Меггер. – Одни худы и сухи, как барочные шесты. Другие жирны, как молодые шак... собаки. Я никогда не соглашусь беспричинно унижать людей. Они разнообразны, и многолетний опыт доказывает, что все они, мужчины, женщины и дети, достаточно хороши; я не вижу в них ничего дурного. Помни же, дитя, тот, кто осуждает, бывает осуждён.

– Конечно, лезть хуже попавшей в желудок пустой жестянки, но мы сейчас слышали, поистине, мудрые слова, – заметил Адъютант, опуская свою поджатую ногу.

– Но подумай о людской неблагодарности, относительно такого высокого существа! – слащаво начал шакал.

– Нет, нет, это не неблагодарность, – возразил Меггер. – Они просто не думают о других, вот и всё. Лёжа на моём всегдашнем месте около брода, я раздумывал, как для стариков и для детей неудобны лестницы на новый мост. О стариках, понятно, нечего особенно много думать, но меня поистине печалит толстые, жирные дети. Тем не менее я полагаю, что мост скоро потеряет для них прелесть новизны, что

коричневые ноги моего народа станут снова храбро переходить реку вброд, как в былое время, и старый Меггер будет получать своё.

– Но сегодня по реке плыли гирлянды ноготков, – заметил Адъютант.

В Индии гирлянды ноготков – символ почтения.

– Ошибка, большая ошибка. Это жена продавца сладкого мяса... Год от году её зрение ослабеваает, и она не в силах отличить бревна от меня, Меггера Гаута; сделай она ещё шаг, я показал бы ей некоторое различие между мной и чурбаном. Всё же у неё были хорошие намерения, а нам следует обращать внимание на духовную сторону приношений.

– Какой толк в гирляндах ноготков для того, кто лежит на куче мусора? – спросил шакал.

Он усердно ловил блох, в то же время поглядывая на своего «покровителя бедных».

– Правда! Но люди ещё не начали устраивать мусорной ямы, в которую попаду я. На моих глазах река пять раз отступала от селения, прибавляя земли к концу улицы. Пять раз видел я, как жители возводили новые строения на берегах, и ещё пять раз увижу повторение этого. Я – не потерявший веру, охотящийся за рыбами Гавиаль (порода крокодилов); я не бываю то в Кази, то в Прейаге, как говорит поговорка, я верный и постоянный страж этого брода. Недаром, дитя моё, селение носит моё имя. А как говорит пословица: «Тот, кто долго сторожит, наконец получает награду».

– Я ждал долго, очень долго, чуть не всю жизнь, а в награду меня только кусали или били, – заметил шакал.

– Ха, ха, ха! – захохотал Адъютант и затем пропел: – В августе был рождён шакал, дожди выпали в сентябре. Никогда ещё не видывал я подобных ливней, сказал этот шакал.

У Адъютанта есть одна очень неприятная особенность. Через неопределённые промежутки времени у него начинаются острые припадки судорог и, хотя с виду

Адъютант гораздо добродетельнее остальных своих родичей, которые все необыкновенно почтенны, во время приступов этого недуга он принимается дико выплясывать какой-то странный военный танец и, слегка распуская крылья, то поднимает, то наклоняет свою лысую голову; по причинам, хорошо известным ему самому, самые худшие припадки странной болезни всегда совпадают с его злыми замечаниями. При последнем слове пропеты песни он снова замер, как бы вытянувшись на часах, и сделался в десять раз более похож на адъютанта, нежели прежде.

Шакал не прореагировал; ему уже минуло три года, но нельзя же сердиться на оскорбление, нанесённое особой с клювом в ярд длины и сильным, как дротик. Адъютант славился своей трусостью; шакал же был ещё трусливее.

– Нужно прожить долго, чтобы получить запас знаний, – заметил Меггер. – И следует заметить: маленькие шакалы – явление обычное, дитя моё, но такой Меггер, как я, встречается нечасто. При всём том я не возгордился, потому что гордец скоро погибает; однако заметь: всё дело в судьбе, и свою судьбу не может изменить никто, плавающий ли, ходящий ли, бегающий ли на четырёх ногах. Я лично доволен своей судьбой. При удаче, обладая острым зрением и привычкой замечать, есть ли выход из ручья или заводи, можно сделать многое.

– А мне рассказывали, что даже «покровитель бедных» однажды поступил неосмотрительно, – язвительно заметил шакал.

– Правда; но в этом случае мне помогла судьба. Происшествие, о котором ты говоришь, случилось, когда я ещё не достиг полного роста. Клянусь правым и левым берегом Ганга, чем-чем только не кишели потоки в те времена!.. Да, я был молод и неосмотрителен. Вот началось наводнение, кто же радовался тогда больше меня? В дни молодости всякий пустяк веселил моё сердце. Наводнение залило деревню. Я проплыл далеко, до самых рисовых полей; их покрывал густой слой ила. Помню я также пару браслетов (их украшало стекло, и они сильно смутили меня), которые я нашёл в этот вечер. Да, браслеты и, если память мне не изменяет, там также был башмак. Мне следовало снять оба башмака, но я был голоден. Позже я научился поступать иначе. Да. Итак, я после прилёг отдохнуть; когда же собрался снова вернуться в реку, вода сошла, и я двинулся по илу

главной улицы. Кто решился бы на это, кроме меня? Из домов высыпал весь мой народ: жрецы, женщины, дети, и я милостиво посматривал на них. В иле биться неудобно. Вот один лодочник закричал:

– Несите топоры, убьём его; ведь это Меггер брода!

– Нет, – ответил брамин. – Смотрите, он гонит перед собой воду. Он божество нашего селения.

Тогда мой народ засыпал меня цветами, и у кого-то из них явилась счастливая мысль положить на дорогу козу.

– Как вкусна, как вкусна коза! – сказал шакал.

– На ней шерсть, слишком много шерсти; когда же её найдёшь в воде, в ней почти наверняка скрывается крестообразный крюк. Но ту козу я принял и с почестью вернулся в реку. Позже судьба послала мне лодочника, желавшего разрубить топором мой хвост. Его лодка села на старинную мель, которой вы, конечно, не помните.

– Не все мы здесь шакалы, – заметил Адъютант. – Не говоришь ли ты о той мели, которая образовалась, когда в реке потонули барки с камнями в год великой засухи? Про ту продолговатую мель, которая уцелела в течение трёх разливов?

– Их было две, – ответил Меггер, – верхняя и нижняя.

– Да, я забыл. Мели разделял проток; позже он высох, – сказал Адъютант, гордившийся своей хорошей памятью.

– Вот на нижней-то и засела лодка моего доброжелателя. Он спал, в полусне перескочил через борт и вошёл в воду по пояс, – нет только по колено, – чтобы столкнуть её с мели. Пустая лодка двинулась, но снова села на следующий пережат. Я крался за человеком, зная, что скоро придут другие люди, чтобы вытащить лодку на берег.

– И они, действительно, пришли? – с оттенком страха спросил шакал. Такая охота внушала ему уважение.

– Пришли и в это место и ниже по течению. Я получил троих в один день, всех хорошо откормленных менджисов (лодочников), и ни один из них не закричал, кроме последнего. (В этом случае я действовал небрежно!)

– Ах, что за благородная охота! Но какой ловкости, какого ума требует она! – произнёс шакал.

– Требуется не ум, дитя, а только умение мыслить. Обдуманность в жизни то же, что соль, положенная в рис, как говорят лодочники, а я всегда много думал. Мой родственник, Гавиаль, поедатель рыбы, рассказывал мне, до чего ему трудно охотиться; как сильно один род его добычи отличается от другого; вследствие этого он должен узнавать обычаи каждой рыбы. Вот это мудрость. С другой стороны, Гавиаль живёт среди своей дичи. Моя добыча не плавает стаями, выставляя пасти из воды, как делает его рёва, не всплывает на поверхность воды и не поворачивается боком, как моху или маленькая чапта, не толпится подле мелей, как батчуа или чильва.

– Все эти рыбы очень хороши на вкус, – заметил Адъютант, щёлкая клювом.

– То же говорит и мой двоюродный брат, Гавиаль; он постоянно охотится за ними; но ему хорошо; он не выходит на берег, чтобы спастись от его острого носа. Моя дичь совсем другое дело. Люди живут на земле, в домах, среди скота. Мне всегда нужно узнавать, что они делают, что собираются сделать и, как говорится, «прибавляя хвост к хоботу, я составляю целого слона». Я всё наблюдаю, всё примечаю. Если над дверью повесили зелёную ветвь и железное кольцо, старый Меггер понимает, что в этом доме родился мальчик и что, со временем, он прибежит играть на помост. Выходит замуж девушка, старый Меггер узнает и это, видя, как мужчины расхаживают по деревне с подарками в руках. Перед свадьбой невеста приходит купаться, и старый Меггер тут как тут. Изменила ли река своё русло, обнажив землю там, где раньше была только вода, Меггеру это тоже известно.

– Но к чему ведут такие знания? – спросил шакал. – Даже в течение моей короткой жизни река уже несколько раз изменяла русло. Реки Индии почти постоянно передвигаются в своих ложах, иногда в течение четверти года они отходят от

прежнего русла на две или три мили, заливая поля на одном берегу, на другом же открывая большое пространство суши!

– Это самые полезные знания, – возразил Меггер шакалу, – появление новой земли ведёт за собой ссоры. Это Меггер знает; ого, хорошо знает! Едва вода сойдёт, он крадётся вдоль одного из маленьких ручьёв, в которых, по мнению людей, не могла бы скрыться и собака, и ждёт там. Вот приходит фермер и говорит, что в этом месте он посадит огурцы, а в том – дыни, и всё – на участке земли, только что подаренном ему рекой. Пальцами своих обнажённых ног он пробует ил. Приходит другой земледелец и объявляет, что посадит лук, морковь и сахарный тростник в этом месте. Они встречаются, как лодки, которые несёт течение, и оба принимаются вращать глазами, сверкающими из-под их больших синих тюрбанов. А старый Меггер смотрит и слушает. Люди говорят друг другу «брат мой» и начинают делить новую землю. Меггер передвигается вместе с ними с места на место и крадётся, совсем прижимаясь к илу и тине. Разгорается ссора. Слышатся запальчивые слова. Они сбрасывают со своих голов тюрбаны, поднимают лати (палки), наконец, один падает в ил, другой убегает. Когда он возвращается, дело сделано, ему об этом говорит окованный железом ствол бамбука. Всё устроил Меггер, но никто ему не благодарен. Нет, люди кричат: «Убийца Меггер». Потом семьи двоих крестьян принимаются драться между собой; двадцать человек с одной стороны, двадцать с другой. Мой народ, живущий на взгорьях, народ хороший. Они дерутся не для забавы, а старый Меггер ждёт ниже по течению реки, там, где его не могут видеть за кустами кикара. Загорается заря; мои широкоплечие джетсы (всего человек восемь – десять) на носилках несут мёртвого; звёзды светят. Идут все старики, с длинными бородами, и кричат не хуже меня. Люди разводят небольшой костёр (ах, как хорошо я знаю этот костёр), курят табак, покачивают головами, или указывают макушками в сторону мёртвого, который лежит на берегу. Они говорят, что из-за этого к ним явится английский суд и что семья такого-то человека будет опозорена, потому что его повесят на большой тюремной площади. Друзья убитого замечают: «Пусть его повесят!» Разговор начинается сызнава. Это повторяется дважды, трижды, двадцать раз в течение долгой ночи. Наконец кто-нибудь произносит: «Этот бой был бой честный. Возьмём плату за кровь, немного больше, чем предлагает убивший, и перестанем

толковать». Начинается спор из-за цены крови, потому что убитый был сильный человек и оставил после себя много сыновей. А всё-таки ещё до Амратвелы (восхода солнца) они слегка обжигают мёртвого, как того требует обычай, и он поступает в моё распоряжение. Он молчит... Ага, дети, Меггер знает! Меггер всё хорошо знает, и мои джетсы – славный народ.

– Они слишком жадны, слишком скупы, – произнёс Адъютант. – Они не бросают даже верхние плёнки с коровьего рога, как говорится; кто же может что-нибудь подобрать после этого племени?

– О, я подбираю... их самих, – заметил Меггер.

– Вот в старые времена на юге, в Калькутте, – продолжал Адъютант, – всё выбрасывалось на улицу; мы выбирали, что подобрать. Славные были дни! Теперь же их улицы чисты, как внешняя сторона яичной скорлупы, и мои родичи улетают. Быть опрятным – одно; но вытирать пыль, мести, чистить по семи раз в день утомительно; это надоело бы самим богам.

– Один шакал с низин слышал от своего брата и сказал мне, что на юге, в Калькутте, шакалы так же толсты, как выдры во время дождей, – заметил шакал, у которого потекли слюнки при одной мысли об этом.

– Да, но там живут белолицые англичане, они приводят с собою собак, больших, толстых собак, чтобы эти самые шакалы не толстели, – возразил Адъютант.

– Значит, они такие же жестокие люди, как здешние жители? Так и следовало думать. Ни земля, ни небо, ни вода не оказывают милости шакалу. После дождей я видел палатки белолицых, утащил из них новую жёлтую узду и съел её. Белолицые плохо выделывают кожу: я заболел.

– То ли ещё было со мной! – заметил Адъютант. – Когда мне шёл третий год, я, в те времена молодая и отважная птица, отправился вниз по реке, в то место, куда приходят большие лодки. Лодки англичан втрое больше селения Меггер Гаута.

– Он уверяет, будто был в Дели и будто там все ходят на головах, – пробормотал шакал.

Меггер открыл левый глаз и пристально взглянул на Адъютанта.

– Это правда, – убедительно произнесла большая птица. – Лгун лжёт только в надежде, что ему поверят. Не выдавший этих лодок не в силах поверить мне.

– Вот это вероятнее, – заметил Меггер. – Ну, а дальше?

– Из этих лодок они вынимали какие-то большие белые куски, которые скоро превращались в воду. Некоторые раскололись и упали на берег; все остальные люди спрятали в дом с очень толстыми стенами. Один лодочник засмеялся, взял белый кусок величиной с небольшую собаку и бросил его в меня. Я... всё моё племя, глотаем без размышлений; по нашему обыкновению, я проглотил этот кусок и ощутил страшный холод. Он начался с желудка, проник во всё моё тело до кончиков пальцев, и я даже потерял голос; а лодочники хохотали надо мной. Никогда в жизни не испытывал я такого холода, и от изумления и печали заметался и запрыгал. Наконец мне стало легче; я перевёл дух, заплясал снова, жалуясь на коварство мира; лодочники же так хохотали, что попадали на землю. Не говоря уже об этом странном холоде, удивительней всего было то, что, когда я успокоился, мой желудок оказался совершенно пуст.

Адъютант постарался как можно лучше описать, что он испытал, проглотив семифунтовый кусок льда из Венгемского озера с американского корабля; это было в те дни, когда Калькутта ещё не изготовляла лёд искусственным образом, но марабу не знал, что такое лёд, Меггер и шакал знали и того меньше, а потому его рассказ произвёл мало впечатления.

– Всё возможно, – заметил Меггер, снова прищулив левый глаз. – Всё возможно, когда приходит лодка, которая втрое больше моего селения! Ведь Меггер Гаут – деревня не маленькая.

Послышался свист; по мосту пронёсся почтовый поезд в Дели; его вагоны ярко светились; их тени бежали по реке. Поезд со звоном исчез в темноте. Меггер и шакал так привыкли к железной дороге, что даже не повернули голов.

– А разве это не так же удивительно, как лодка, которая втрое больше деревни Меггер Гаута? – спросил марабу, глядя вверх.

– Дитя моё, я видел, как строили мост. Я видел, как камень ложился на камень и как мало-помалу воздвигались опоры. Иногда в воду падали люди (они необыкновенно твёрдо стояли на ногах, но всё-таки падали); и я всегда был тут как тут. Пока строили первую опору, рабочим не приходилось смотреть вниз по течению, отыскивая для сожжения тело упавшего. Опять-таки я избавлял их от липших хлопот. Уверяю тебя, в постройке моста не было ничего странного, – заметил Меггер.

– Но то, что бежит по этому мосту и везёт за собой телеги с крышами, – странно, – повторил Адъютант.

– Без всякого сомнения, телеги возят быки новой породы. Когда-нибудь бык не удержится там наверху и упадёт, как, бывало, падали люди. И старый Меггер опять будет тут как тут.

Шакал посмотрел на Адъютанта, Адъютант посмотрел на шакала. Эти двое были вполне уверены, что паровоз мог быть чем угодно, только не быком. Из-за рядов алоэ, окаймлявших железнодорожную линию, шакал часто наблюдал за проходящими поездами. Адъютант же познакомился с машинами, когда по Индии побежал первый паровоз. Но Меггер смотрел на поезда только снизу, и ему казалось, что медный купол на машине похож на горб быка (зебу).

– Н-да, это бык новой породы, – громко повторил Меггер, желая убедить самого себя, что он не ошибается.

– Конечно, – заметил шакал.

– С другой стороны, может быть... – раздражительно начал крокодил.

– Конечно, конечно, – забормотал шакал, не дожидаясь окончания фразы.

– Что? – сердито спросил Меггер, чувствуя, что его собеседники знают что-то не известное ему. – Чем же это может быть? Ведь я же не договорил. Ты сказал, что это бык...

– Это существо окажется тем, чем пожелает «покровитель бедных». Я его раб... Пойми, не раб той вещи, которая перебегает по мосту через реку, а твой...

– Что бы это ни было, «оно» – дело рук белолицых, – заметил Адъютант. – И что касается меня, я не стал бы проводить всё своё время на близкой к мосту мели.

– Вы не так хорошо знаете англичан, как я, – заметил Меггер. – Когда мост строили, здесь был белолицый; по вечерам он брал лодку, шаркал ногами по её дну и шептал: «Здесь он? Здесь он? Дайте мне моё ружьё». Я услышал голос англичанина раньше, чем увидел его. До меня доносились все звуки; скрипело ружьё; он его продувал и стучал им, двигаясь вверх и вниз по реке. Я подхватил одного из его рабочих и, таким образом, избавил людей от покупки дров для сожжения тела; а он прибежал на помост и громко закричал, что отыщет меня и освободит от меня реку. Это от меня-то, Меггера – Меггера Гаута! От меня! Дети, я час за часом, бывало, плыл под его лодкой, слышал, как он стреляет в брёвна; раз узнав, что он утомился, я поднялся рядом с ним и лязгнул челюстями ему в лицо. Мост построили, он уехал. Поверьте – все англичане охотятся таким образом, за исключением тех раз, когда они сами превращаются в дичь.

– Кто же охотится на белолицых? – с волнением провизжал шакал.

– Теперь никто, но в своё время я поохотился за ними.

– Я смутно помню об этой охоте; но в те времена я был ещё молод, – многозначительно стуча клювом, заметил Адъютант.

– Я отлично устроился здесь. В то время мою деревню только что отстроили в третий раз. Вдруг является мой двоюродный брат, Гавиаль, и начинает рассказывать о богатых водах выше Бенареса. Сначала я не хотел двигаться с места, так как мой двоюродный брат питается рыбой и не всегда может правильно сказать, что хорошо, что дурно; однако я также услышал, как мои поселяне разговаривали между собой, и их толки заставили меня решиться.

– А что они говорили? – спросил шакал.

– Их толки заставили меня, Меггера из Меггер Гаута, выйти из воды и пустить в дело свои ноги. Я двигался по ночам и пользовался маленькими ручьями, которые могли служить мне; однако начиналось жаркое время года, и потоки обмелели. Я пересекал пыльные дороги; я полз среди высокой травы; при лунном свете я

поднимался на горы. Заметьте, дети, я взбирался даже на скалы! Я перешёл через окраину безводного Сиргинда раньше, чем мне удалось натолкнуться на сеть речек, которые текут по направлению к Гангу. В то время я отошёл на месяц пути от моих поселян и от хорошо знакомой мне реки. Это было удивительно!

– А чем же ты питался? – спросил шакал, который думал только о желудке, не интересуясь рассказом Меггера о его сухопутных странствиях.

– Всем, что находил на пути, кузен, – медленно растягивая слова, выговорил Меггер.

В Индии вы не можете никого назвать своим двоюродным братом, если не умеете ясно доказать вашего кровного родства с ним, а так как только в старинных сказках крокодилы женятся на шакалах, наш шакал понял, почему Меггер включил его в круг своих родственников. Будь они вдвоём, это не смутило бы его, но Адъютант услышал жестокую шутку, и в глазах хитрой птицы замерцал насмешливый огонёк.

– Конечно, отец мой, я должен был сам понять это, – заметил шакал.

Крупный крокодил не любит, чтобы его называли отцом шакалов, и Меггер из Меггер Гаута высказал своё недовольство, прибавив кое-что, чего не стоит повторять.

– «Покровитель бедных» первый упомянул о своём родстве со мной. Мог ли я помнить точную степень этого родства? Кроме того, мы питаемся одинаковой пищей. Он сам сказал это, – слышался ответ шакала.

Его замечание ещё ухудшило положение вещей; ведь шакал намекнул, что во время сухопутных странствий Меггеру приходилось ежедневно есть свежую, совершенно свежую пищу, вместо того чтобы держать её несколько времени, пока она не станет годной для еды, как это делает каждый уважающий себя крокодил и большинство диких зверей. Сказав кому-нибудь из обитателей реки: «Ты ешь свежее мясо», вы нанесёте ему оскорбление. Это почти всё равно, что назвать человека людоедом.

– Пища, о которой идёт речь, была съедена тридцать лет тому назад, – спокойно заметил Адъютант, – и если мы будем говорить о ней ещё тридцать лет, она

всё-таки не вернётся. Расскажи же, Меггер, что случилось, когда после твоего изумительного сухопутного путешествия ты достиг хороших вод. Если мы будем слушать вой всякого шакала, то все дела в городе остановятся, как говорят люди.

Вероятно, это замечание понравилось Меггеру: он поспешно продолжал:

– Клянусь правым и левым берегом Ганга, когда я дошёл до места, передо мной открылись такие воды, каких я никогда не видывал.

– Неужели они были лучше большого наводнения в прошлом году? – спросил шакал.

– Лучше? Такие наводнения, какое случилось в прошлом году, повторяются через каждые пять лет: несколько утонувших чужестранцев, несколько цыплят, да мёртвый вол, принесённый водой! Но в том году, о котором я говорю, вода стояла в реке низко; она была вся гладкая, ровная, и, как рассказывал мне Гавиаль, по течению плыло столько мёртвых англичан, что они касались друг друга. От Агра до Этаваха и до широких вод близ Аллагабада...

– О, я знаю водоворот под стенами этой крепости! – произнёс Адъютант. – Они неслись туда, как утки к тростникам, и кружились и вертелись вот так.

И он снова пустился в свою ужасную пляску, а шакал с завистью смотрел на него. Понятно, трусливый зверь не помнил года восстания, о котором шла речь. Меггер же продолжал:

– Да, близ Аллагабада приходилось лежать в воде тихо; и я, бывало, пропускал двадцать трупов раньше, чем выбирал то, что было по моему вкусу; главное, мне нравилось, что на англичанах не было напутано драгоценностей, браслетов на руках и щиколотках и колец, как у женщин, живущих в моём селении. Тот, кто любит драгоценности, нередко в конце концов получает вместо ожерелья верёвку. В то время все крокодилы окрестных рек растолстели, но судьба пожелала, чтобы я разжирел сильнее всех остальных. До нас дошли слухи, что англичан загнали в реки и, клянусь правым и левым берегом Ганга, мы поверили этому. Я шёл на юг и думал, что это правдивые вести. Двигался я вниз по течению через Монгир, где над рекой стоят гробницы...

– Знаю, – сказал Адъютант. – Только теперь Монгир – брошенный город. В нём мало жителей...

– Позже я двинулся вверх по течению, медленно, лениво и немного выше Монгира натолкнулся на лодку, полную белолицыми... живыми. Это были женщины, они лежали под натянутой на четырёх шестах тканью и вдруг громко закричали. В те дни никто не стрелял в нас, стражей бродов. Все ружья были заняты в другом месте. День и ночь издали доносился их грохот; он то утихал, то усиливался вместе с порывами ветра. Я высоко высунулся из воды, так как раньше никогда не видывал живых белолицых, хотя отлично знал их в другом виде. Обнажённый белый ребёнок стоял на коленях на краю лодки; наклоняясь, он проводил ручками по воде и смотрел на появлявшиеся струйки; прелестно видеть, как ребёнок любит бегущей водой. В этот день я уже хорошо поел, а всё-таки в моём желудке оставалась небольшая пустота. И я кинулся на эти детские руки, скорее ради забавы, чем из-за голода. Они были так близко, что я даже не взглянул, хватая их. Челюсти мои закрылись над ними; я вполне уверен в этом; ребёнок же быстро, без вреда для себя, вытащил их из моей пасти. Они, эти белые ручки, вероятно, проскользнули между зубами Меггера... Мне следовало схватить его за плечо, вкось, однако, повторяю, я только из удовольствия и любопытства вынырнул из воды. Женщины закричали; я снова поднялся, чтобы наблюдать за ними. Тяжёлая лодка не могла идти быстро. В ней были только женщины, но доверять женщине, всё равно, что ступать на водоросли, закрывающие поверхность пруда, как говорит пословица, и, клянусь правым и левым берегом Ганга, эта поговорка справедлива!

– Раз одна женщина дала мне сухую рыбу чешую, – вставил шакал. – Я надеялся украсть её грудного малютку, но, как говорится: лошадиный корм лучше удара ноги лошади. А что сделала «твоя» женщина?

– Она выстрелила в меня из короткого оружия, какого я никогда не видал ни раньше, ни позже. Сделала пять выстрелов, один за другим. – Вероятно, Меггер говорил о револьвере старого образца. – Я остался с открытым ртом, а мою голову окружал дым. Никогда не видывал я ничего подобного! Пять выстрелов и так быстро один за другим, как я махаю хвостом, вот так.

Шакал, который всё больше и больше увлекался рассказом крокодила, едва успел отскочить, когда огромный хвост чудовища, точно исполинский серп, пролетел мимо него.

– До пятого выстрела, – продолжал Меггер, точно он и не помышлял оглушить одного из своих слушателей, – до пятого выстрела я не погружался в воду, когда же поднялся снова, то услышал, как один из лодочников говорил белым женщинам, что я убит. Одна пуля попала под роговую пластинку на моей шее. Сидит ли она ещё там, я не знаю, так как не могу повернуть головы. Подойди сюда, дитя, и взгляни. Это докажет тебе, что я говорил правду.

– Докажет мне? – произнёс шакал. – Что ты говоришь! Разве бедное существо, которое поедает старую обувь да сухие кости, смеет усомниться в словах «Зависти реки»? Пусть слепые щенки обкусают мой хвост, если тень такой мысли мелькнула в моём почтительном уме! Покровитель бедных снизошёл до того, что сообщил мне, своему рабу, что раз в жизни женщина ранила его! Этого достаточно; я расскажу о случившемся всем моим детям, не требуя ни малейших доказательств.

– Чрезмерная любезность порой не лучше грубости, потому что, как говорится, гостя можно задушить угощением. Я совсем не желаю, чтобы кто-либо из твоих детей знал, как единственная рана Меггера была нанесена ему женщиной. Твоим детёнышам и без того будет о чём подумать, если и им придётся добывать себе пропитание таким же жалким способом, как это теперь делает их отец.

– Всё давно забыто! Ничего не было сказано, не было белой женщины! Не было лодки! Ничего никогда не случилось.

Шакал махнул своим пушистым хвостом, показывая этим, до чего слова Меггера всецело исчезли из его памяти, потом сел с гордым видом.

– Напротив, случилось многое, – ответил Меггер, снова побеждённый при второй попытке победить своего друга. (Тем не менее ни в одном из них не осталось злопамятства. Есть и служить пищей – речной закон, и, когда Меггер кончал обед, шакал являлся, чтобы подобрать остатки его еды.) – Я бросил лодку и двинулся вверх по течению; подле Арраха и выше этого места я уже не находил мёртвых

англичан. В реке не было ничего. Потом появилось двое-трое мёртвых в красных куртках, но это были не англичане, а индусы; скоро они поплыли по пяти и шести рядом; от Арраха же и Агры, казалось, в реке собрались целые селения. Мёртвые выплывали из маленьких ручьёв, как чурбаны во время дождей. Когда вода в реке начала подниматься, груды молчаливых тел сдвигались с мелей, на которых они лежали. Наводнение уносило их с собой через поля и через джунгли, вода тащила их за длинные волосы. Двигаясь к северу, я ночью слышал выстрелы, днём – стук обутых ног, переходивших реку вброд, а также шум, который производят колёса нагруженных телег по песку под водой. И каждая струя приносила новых мёртвых. Наконец мне самому стало страшно. Я сказал: «Если это происходит с людьми, как спасётся Меггер из Меггер Гаута?» За мной шли лодки без парусов; они постоянно горели, как иногда горят лодки с хлопчатником, но не тонули.

– А, – сказал Адъютант, – такие лодки приходят в Калькутту; большие, чёрные, позади них бежит вода, и они...

– Втрое больше моего селения? Нет, мои лодки были больше, чем лодки, о которых рассказывает правдивый. Я их боялся, я вышел из воды и направился обратно к моей реке; днём прятался, по ночам шёл по земле, если не находил маленьких ручьёв, по которым мог плыть. Я вернулся к моему селению, не питая надежды увидеть мой народ. Между тем крестьяне по-прежнему пахали землю, сеяли, жали, расхаживали по своим полям так же спокойно, как пасётся их скот.

– А в реке была в это время хорошая еда? – спросил шакал.

– Больше пищи, чем я мог желать. Даже я, а ведь я не ем грязи, даже я утомился и, помнится, пугался при виде постоянного появления молчаливых. Я слышал, как мой народ говорил, что все англичане умерли; тем не менее по течению плыли не англичане, и мой народ это видел. Тогда жители решили, что лучше ничего не говорить, а платить подати и обрабатывать землю. Вскоре река очистилась; мёртвые исчезли. Стало не так легко получать еду, но я искренне радовался. Маленькое убийство там и сям – невредная штука, но иногда даже Меггер чувствует пресыщение.

– Изумительно! Поистине изумительно! – заметил шакал. – Я уже потолстел, только слыша о такой прекрасной еде. А можно ли спросить, что делал после этого «покровитель бедных»?

– Я сказал себе и, клянусь правым и левым берегом Ганга, крепко сомкнул челюсти при этом обете, я сказал себе, что никогда больше не отправлюсь странствовать. С тех пор я зажил близ моего народа и год от года наблюдал за ним. Крестьяне так сильно любили меня, что, едва я поднимал из воды голову, бросали мне венки ноготков. Да, судьба была ко мне милостива, река тоже добра и с уважением относится к моей бедности и слабости, только...

– В мире нет ни одного существа счастливого от кончика своего клюва до конца хвостового пера, – сочувственно произнёс Адъютант. – Но чего не достаёт Меггеру из Меггер Гаута?

– Маленького белого ребёночка, который от меня ускользнул, – с глубоким вздохом сказал крокодил. – Он был мал, но я не забыл его. Старость пришла ко мне, а всё же перед смертью я желаю попробовать новой пищи. Правда, они народ с тяжёлыми ногами; люди шумные, глупые, и это была бы невесёлая охота; тем не менее я помню случай выше Бенареса, и, если ребёнок жив, он тоже помнит всё. Может быть, он разгуливает по берегу неизвестной мне реки и рассказывает, как однажды его руки проскользнули между зубами Меггера из Меггер Гаута. Судьба была всегда милостива ко мне, но во сне меня иногда мучат воспоминания о белом ребёнке в лодке. – Крокодил зевнул и сомкнул челюсти. – Теперь я немного отдохну и подумаю. Тише, дети. Уважайте старших.

Он тяжело повернулся и потащился на середину песчаной мели, а шакал и Адъютант отошли под дерево, которое росло подле железнодорожного моста.

– Он прожил приятную и поучительную жизнь, – сказал шакал, оскалил зубы и вопросительно посмотрел на птицу, возвышавшуюся над ним. – И заметь: Меггер даже не подумал сказать мне, в каком месте на берегу он бросил кусок съестного. Между тем я раз сто указывал ему на вкусную дичь, которая купалась в реке. Правду говорят: «Весь мир забывает о шакале и циркульнике, как только узнает от них все вести». А теперь он заснёт. Аррх!

– Как шакал может охотиться с крокодилом? – спокойно спросил Адъютант. – Когда вместе идут вор крупный и вор мелкий, легко предсказать, кому достанется вся добыча.

С нетерпеливым повизгиванием шакал повертелся на одном месте, собираясь свернуться под деревом, как вдруг присел на задние ноги и через низкие ветви посмотрел на мост, бывший почти над его головой.

– Что там ещё? – спросил Адъютант и тревожно распустил крылья.

– Погоди, посмотрим. Ветер дует с нашей стороны к ним, но они ищут не нас... Я говорю вон о тех двоих людях.

– Ах, это люди? Меня охраняет моя должность. Вся Индия знает, что я святой. Адъютант первостатейный мусорщик, и птицам его породы позволяется расхаживать где им угодно.

Итак, наш Адъютант даже не вздрогнул.

– Я не стою удара; меня бьют только старыми башмаками, – сказал шакал и снова прислушался. – Слышишь шаги? – продолжал он, – двигаются ноги, не босые ноги, это тяжёлые шаги белолицых. Слушай ещё. Железо! Ружьё! Слушай, это тяжелоногие глупые англичане идут, чтобы побеседовать с Меггером.

– Так предупреди же его. Совсем недавно кто-то, вроде умирающего от голода шакала, называл его «покровителем бедных».

– Пусть мой двоюродный брат сам покровительствует своей коже. Он постоянно твердит мне, что белолицых нечего бояться. А это, конечно, белолицые. Ни один житель из Меггер Гаута не осмелился бы охотиться на него. Смотри, я говорил, что это ружьё! Теперь, при удаче, мы с тобой скоро попируем. Вне воды он слышит плохо, и на этот раз выстрелит не женщина.

Ружейное дуло блеснуло в лунном свете. Меггер лежал спокойно, точно своя собственная тень; его передние лапы были расставлены, голова лежала между ними, и он храпел... как храпят крокодилы его породы.

Голос на мосту прошептал:

– Странный выстрел, почти по прямой линии вниз. Но выстрел верный. Лучше всего целиться пониже шеи. Боже, что за чудовище, а между тем, если мы его застрелим, крестьяне будут вне себя. Он божок здешних мест.

– Ничего, – ответил другой голос, – когда строился мост, он унёс человек пятнадцать моих лучших рабочих, и пора положить этому конец. Я несколько недель ездил в лодке, чтобы убить его. Приготовьте Мартини (ружьё системы Мартини), и как только я выпущу в него два выстрела из обоих стволов, стреляйте.

– Так будьте же осторожнее. Два выстрела – не шутка.

– Будь что будет! Стреляю.

Послышался звук, походивший на грохот маленькой пушки.

Крупный тип слоновых ружей мало отличается от некоторых артиллерийских орудий: вырвались две полосы пламени; вслед за тем прозвучал резкий треск Мартини, для длинной пули которого броня крокодила непроницаема. Разрывные же пули сделали своё дело. Одна из них ударила Меггера как раз ниже шеи, влево от хребта; другая разорвалась подле основания его хвоста. В девяносто девяти случаях из ста смертельно раненный крокодил всё же уходит в глубину воды, но Меггер был буквально разбит на три части. Он едва двинул головой, как жизнь уже оставила его. Он замер, как и лежащий на песке шакал.

– Гром и молния! Молния и гром! – сказал жалкий маленький зверь. – Не упала ли, наконец, та вещь, которая тянет за собой закрытые телеги?

– Это только ружьё, – ответил Адъютант, хотя даже его хвостовые перья дрожали.

– Это только ружьё! Он, конечно, умер. Вот идут бледнолицые.

Англичане быстро сбежали с моста и, подойдя к крокодилу, остановились, разглядывая его. Скоро подошёл и туземец, топором отрубил громадную голову Меггера, и четверо индусов потащили его по отмели.

– Однажды моя рука была в пасти вот такого крокодила, заметил один из англичан, тот самый, который строил мост, – тогда я, ещё ребёнок лет пяти, плыл в лодке к

Монгиру. Я был, что называется, «ребёнок возмущения»... В лодке сидела и моя бедная матушка; позже она часто рассказывала мне, как выстрелила из старого пистолета моего отца в голову чудовища.

– Ну, теперь вы отомстили главе клана, даже в том случае, если от толчка ружейного приклада у вас из носу пошла кровь. Эй вы, лодочники! Вытащите голову на берег, мы сварим её, чтобы получить хороший череп. Кожу не стоит сохранять, она слишком испорчена. Теперь пойдёмте спать. Не правда ли, ради этого стоило сторожить всю ночь?

Странная вещь: спустя три минуты после ухода людей, шакал и Адъютант повторили это замечание.